

честве базы, где подготавливалось национальное восстание греков против владычества Турции, в ослаблении которой Россия была очень заинтересована. Этими вопросами в основном и пришлось заниматься на итальянской земле С. Р. Воронцову и его советнику. Посредничество между греческой колонией эмигрантов и Венецианским правительством требовало большого дипломатического искусства и такта. Помощи же из России ожидать не приходилось. Здесь сказывалась и бюрократическая неразбериха, царившая в Коллегии иностранных дел, а возможно, и прямое недоверие к опальному посланнику. В письме к брату от 13/24 января 1785 г. С. Р. Воронцов горько жаловался: «По тому, как с нами обращаются, мы совершенно бесполезны, нас информируют только об указах, изданных в России, и не отвечают ни на одну из наших депеш, даже не устаивают уверить нас в сих получении. Если нас держат только для того, чтобы получать новости, немногим более свежие, чем в газетах, в этом случае можно было бы лучше сэкономить деньги императрицы и держать только агентов... Знаменитая инструкция, которую мне дали при отъезде в Венецию, создана лишь для того, чтобы ввести меня в заблуждение, если б я не знал чувств императрицы».³³

Интересно отметить, что С. Р. Воронцов был, по-видимому, близок и с другими участниками державинского кружка. Об этом свидетельствует его многолетняя переписка с Н. А. Львовым.³⁴ Поэтому вполне вероятно, что еще в Петербурге он был осведомлен о взглядах издателей «С.-Петербургского вестника» и относился к ним с одобрением.

В 1784 г. С. Р. Воронцову наконец удалось добиться перевода посланником в Англию, столь заманчивую для ее давнишнего поклонника. Как только вопрос об отъезде в Лондон был решен, он настойчиво писал одно за другим письма к А. А. Безбородко и к брату с просьбами добиться того, чтобы вместе с ним перевели в Англию и Г. Л. Брайко.

В январе 1784 г. С. Р. Воронцов обращался к канцлеру: «...я столько имею причин быть довольным Григорием Леонтьевичем Брайко, что мне весьма прискорбно будет с ним расстаться. Затем прошу Вас сделать мне действительное одолжение не разлучать меня, если меня переведут в другое место. Как он по именному указу определен в Венецию, то Коллегия перевести его не может, затем-то и прошу Вас: Вы одни мне можете помочь в сем деле, которое мне весьма нужно, и коим меня паче всего обяжете».³⁵

А через год, в начале 1785 г., он снова писал: «Кончая мое служение, я осмелился рекомендовать господина Брайко <...> который мне был в великую помощь. Препоручаю его в Ваше по-

³³ Там же. т. 9, с. 19—23.

³⁴ См.: ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, д. 714.

³⁵ Архив кн. Воронцова, т. 16, с. 173.